

Дистимия

Булат
Ханов

ЛОТТЕ РУС
HOTEL & CONFECTIONERY

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЛИЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ

Rideró

Булат Ханов

Дистимия

«Издательские решения»

Ханов Б.

Дистимия / Б. Ханов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908802-4

В Нертенггове таксисты слушают Штрауса, а на улицах, посреди вечной мерзлоты, стоят рекламные щиты с цитатами великих мыслителей. Рабочим с заводов раздают абонементы в спортзал, а горожане в обязательном порядке проходят психологические тренинги. Все потому, что мэр Нертенгговы мечтает воспитывать великих художников и спортсменов. Здесь все почти добровольно, особенно для гостей города, которым тут рады.

ISBN 978-5-44-908802-4

© Ханов Б.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	7
III	11
IV	15
V	17
VI	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дистимия

Булат Ханов

© Булат Ханов, 2018

ISBN 978-5-4490-8802-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

«... погружает. Оно удерживает тебя пленником у руля. Оно нашептывает тебе, куда править, и ты слушаешься его за неимением лучшего. Такое положение вещей кажется тебе вопросом времени. Ты медленно катишься в пропасть, утешаясь мыслью, что вскоре возьмёшь жизнь в свои руки.

Когда ты осознаёшь, что жизнь далека от твоих представлений о ней, что в детстве, в юности, пять лет назад ты рассчитывал на иное, а теперь непоправимо далёк от этого «иного», именно тогда в твоей голове срабатывает аварийный сигнал. Напоминает о себе бесхитростная истина: изменить мир ты не сможешь, зато в твоих силах смириться с тем, какой он есть. И ты смиряешься, возвращаясь в привычное течение, занимая свое место в очереди. Пусть тебя иногда посещает желание поведать большие истории, ты молчишь. Никому нет дела до твоих историй, потому что каждый полон такими же. Рассказав их, никто не приблизится к свободе или к детской мечте, а лишь выпустит наружу inferнальных существ, которые...»

Заскучав при появлении «инфернальных существ», я спрятал книгу в портфель. Девушка справа, смотревшая через моё плечо, откинулась в пассажирском кресле и поправила стильные красные наушники. Лицо моей соседки всю дорогу выражало неприязнь, точно ее оскорбили.

Критики, понятное дело, разнесли произведение в щепки за вторичность, рыхлую структуру и длинноты. Автору всё равно. Средней популярности рокер, поставив финальную точку в дебютном романе «Крах наслаждения», отправил его издателю без редакции. В ту же ночь музыкант ухлопал бутылку бурбона и перерезал горло бритвой, как самый настоящий позер.

Расчетливый ход от тщеславного кретина оправдался. «Крах наслаждения» возглавил рейтинги продаж, сместив с верхней строчки эротическую сагу о лейтенанте Дидро. Песни рокера разбирают на цитаты депрессивные паблики, а тот самый бурбон с оранжевой этикеткой обрел роковую славу. В некоторых странах, включая Россию, его изъяли из продажи.

– С вами всё в порядке? – спросила стюардесса, притормозив с тележкой рядом со мной.

– В полном. Принесите, пожалуйста, стакан воды.

Я полез за пузырьком с глазными каплями. У меня всего-навсего конъюнктивит и недосып, а кому-то снова кажется, будто мне срочно пора в отпуск на море или надо лечь на обследование. Я даже бриться начал каждое утро, лишь бы избавиться от распросов о здоровье.

Нагретый, тускло освещённый салон и квёлые пассажиры замедляли мысль. Девушка справа прибавила звук в плеере и закрыла глаза. Враждебная маска, нацепленная в аэропорту, исчезла, лицо сделалось наивным и по-детски трогательным. Маленькая потерянная девочка, которая подбирает помаду в тон своему пальто цвета спелых маков, покупает наушники стоимостью в две стипендии и сбривает брови, дабы нарисовать новые.

Как ни тоскливо, я вновь достал «Крах наслаждения». Не спать же, в конце концов.

По долгу службы мне положено раз в месяц смотреть по три раскрученных фильма и читать по три рейтинговых книги. Неважно, художественная это литература, научпоп, практическая психология или мемуары. Кроме того, я слежу за топовыми сериалами, за лидерами «Ютуба», за стендап-сценой и эзотерическими телешоу, за передовыми скандалами, сплетнями и поветриями. Если научиться сносно структурировать поступающий отовсюду материал и не объяснять странные действия окружающих их нездоровым рассудком, то можно прослыть умным типом. Я вслушиваюсь в поток и выискиваю в нем пригодные незатертые слова, чтобы обращаться к публике. Вовлеченность в общий дискурс налагает меня правом на людях называть себя частью прогрессивного человечества и привлекать их на мою сторону. Что бы ни значило слово «прогресс», я иду с ним в ногу.

II

Соционический клуб собирался в студенческой общаге по средам. Студентов психфака, в том числе и меня, профорг согнал на первое занятие. Ведущий, низкорослый крепыш Антон с массивной пролетарской челюстью и низким голосом, напоминал санитара. В соционике Антон разбирался посредственно и полагался на интуитивные прозрения. Девушкам давался совет не заговаривать с Гамлетами, а парней учили распознавать Гексли по улыбке. Меня типировали шесть раз, относя то к Наполеонам, то к Максима́м Горьким, то к Штирлицам, а то и вовсе приравнивая к Габенам.

– Ты сложная личность, – заключил Антон. – Определенно.

От скуки мы с сокурсником разработали альтернативную соционическую классификацию для душевнобольных. Восемь имен предложил я, восемь внес сокурсник, и для каждого типа мы составили исчерпывающий клинический портрет. В итоге получилась стройная таблица с Гитлером, Чикатило, Пиночетом, Малютой Скуратовым, Чарльзом Мэнсоном, Ганнибалом Лектором, Урией Хипом, Элизабет Кри, Мориарти, агент Смитом, Сарумяном, Сине́й Бородой, Том-Тит-Тотом, Гансом Крысоловом, Демьяном Бедным, Шандыбиным. Забавляясь, на зимних каникулах мы настроили о нашей классификации целую статью, приправленную цитатами из академических трудов и ссылками на новейшие зарубежные исследования. Мелкое хулиганство не осталось незамеченным, и статью опубликовали в студенческом сетевом журнале психфака, поместив ее в раздел «Острые и умные».

Высоколобий профессор Нил Палыч, мой научрук, нетерпимый к вольностям, на консультации обмолвился:

– В качестве старта эта классификация не хуже, чем ящик Скиннера. Только Шандыбина кем-нибудь замените.

Типологию душевнобольных мы с сокурсником, разумеется, забросили. И не из-за боязни пострадать из-за Шандыбина, а потому что в таком возрасте проще сгенерировать десяток броских идей, чем довести до нудного логического завершения хотя бы одну. Зато Нил Палыч порекомендовал меня полезному человеку.

Август Анатольевич назначил встречу в грузинском ресторане на Старом Арбате и сразу обрисовал расстановку.

– Есть трехдневный деловой тренировочный курс, – поведал новый знакомый. – У курса надежная репутация: его охотно заказывают для сотрудников солидные московские компании. Несмотря на успех, тренинг нуждается в реновации. В развитии. Развивайся или умри, – так сформулировал Август Анатольевич главный вызов современности. – Необходимо отточить методику, освежить терминологию и список ключевых слов, обновить базовый набор заданий для групповых занятий. Сделать курс более научным, – сказал Август Анатольевич.

– Более научнообразным? – уточнил я.

Вместо ответа мой новый знакомый передал мне фрагмент из программы тренинга, чтобы на досуге я внес туда корректировки. С энтузиазмом маленького разбойника, который подрисовывает бороды писателям в школьном учебнике, я взялся за дело. Пунктиром провел через врученный мне фрагмент горсточку слов из американского сленга конца XX века, присочинил для тренера проникновенный монолог о свободе как неотъемлемом праве гармоничной личности, ввернул в программу коллективное упражнение, впервые опробованное на заключенных в нидерландской тюрьме. Все по образу и подобию науки. На следующей встрече Август Анатольевич вычеркнул почти все сленговые словечки, сократил мотивирующую речь о свободе до двух предложений и ровным тоном отметил, что я справился.

Так меня приняли в фирму «Достоинство» ассистентом по разработке курсов.

У меня в голове не укладывалось, что Нил Палыч, основательный сциентист, на всех защитах придирающийся к методологии исследования, водит знакомство с таким неоднозначным типом, как Август Анатольевич. Неужели мой принципиальный научрук, входящий в два диссертационных совета, продан частному капиталу и на стороне консультирует мозгоправов с их популярными методами?

Ответа я не получил до сих пор.

«Достоинство» расширялось по всем фронтам. Мы приросли филиалами в Петербурге, Центральной России и Поволжье. Прибавилась вариативность: кроме деловых тренингов мы предлагали также навыки, психотерапевтические, социально-психологические занятия. Придирчивый Август Анатольевич предъявлял кандидатам, явившимся на собеседование, чувствительные требования и утверждал, что «Достоинство» – это не фирма-однодневка, которая сшивает белыми нитками документацию, с помпой въезжает в офис и делает там ремонт, чтобы через месяц бесславно освободить помещение.

Будучи долгое время ответственным за содержательное наполнение курсов, я никоим образом не соприкасался с клиентурой, лишь изредка в качестве теоретического консультанта выезжая с нашей командой в другие города. Постепенно под моим началом собрался целый отряд жадных до деятельности психологов, журналистов, социологов, математиков. Они мониторили контент и отбирали для меня списки – новостей, фильмов, музыки, книг, видео на «Ютубе», трендов, популярных запросов в поисковике. Я, в свою очередь, выхватывал из потока перспективные слова и выражения, аккумулировал идеи и снабжал составителей тренингов своими соображениями. Роль незаменимой тени меня устраивала, позволяя воображать себя кем-то вроде серого кардинала, конструктора чужих судеб, специалиста по чертогам разума и лабиринтам мысли.

Талант вести тренинги у меня обнаружился неожиданно. Подробности того вояжа крепко засели в моей голове. В Саратове, куда мы полетели с группой, на второй день в ресторане отравился пельменями Славик, наш ведущий. У его ассистентки, стажера Верочки, случилась истерика. Традиционно безмятежный Август Анатольевич по телефону объявил мой выход. Спокойствие шефа заразило и меня. Я провел с саратовскими телевизионщиками занятие по коллективной сплоченности, ни на миг не теряя контроля над ситуацией. Странно, но в новой роли я чувствовал себя комфортно. По завершении технический директор местного канала, потный сангвиник в широких брюках и выцветшей из-за частой стирки рубашке, обрадованно тряс мою руку и обещал рекомендовать курсы от «Достоинства» своим коллегам. Напористая журналистка Лена, интервьюировавшая меня, намекнула на желание продлить наше с ней общение в «менее напряженной» обстановке. Я в туманной форме сослался на непреодолимые препятствия.

– Вы такой загадочный! – Лена хихикнула.

– Даже не представляете.

Во время обратного рейса в Москву я задумался, почему контакт с аудиторией дался мне легко с первой попытки. Привыкший считать, что я себя давно изучил, я столкнулся с неизвестной до того частью моей личности. Одно дело – вешать другим лапшу о бессознательном, о верхушке айсберга и подавленных желаниях, а другое – обнаруживать, что и сам немало утаиваешь от себя.

Впоследствии я пришел к выводу, что вести тренинги мне понравилось в силу моей незаинтересованности. Говоря откровенно, я не люблю людей, хоть и не испытываю к ним отвращения. Меня не возбуждают сплетни и домыслы, мне скучно обсуждать чьи-то хобби и увлечения, пристрастия и зависимости. Внешность и поступки обсуждать еще скучнее. По большому счету мне все равно, какое прошлое у моих клиентов и что несет им будущее. Это вовсе не означает, будто у меня раздутое самомнение. Себе я тоже кажусь унылым типом, кем-то наподобие клерка в униформе или складского охранника со стершимся из-за однообразных будней

лицом, и причину успеха у публики вижу исключительно в своем благоразумии. Мне хватает ума не притворяться гуру и не охотиться за чужими душами, как это делают некоторые особо просветленные тренеры.

Люди не ждут, что я переформирую их личность, а хотят усвоить парочку эффективных приемов, чтобы открывать доселе запертые двери. Никто не готов к кардинальным изменениям. Поэтому я никому не вправляю мозги, лишь бережно реставрирую чужие потускневшие картины мира. Добротный тренинг – это нечто среднее между стендап-выступлением и аутогенной тренировкой, искусство ради искусства.

Чем я только ни занимался! Выработывал деловые навыки у приросших к офисным креслам программистов с белесыми глазами и выцветшей из-за длительного пребывания в иной реальности кожей, учил хитростям релаксации школьников из элитной московской гимназии, бесстрашно нырял в эзотерические бездны вместе с рязанским объединением сыроедов, солировал на корпоративном съезде менеджеров из «Газпрома», приводил в чувство закисших после провального проекта физиков из Сколково, закладывал новую модель поведения лечащимся от порнозависимости пациентам с порушенной к чертям системой дофаминавогоощрения, делился секретами семейного благополучия с клубом «Женщины против феминизма!», в рамках эксперимента от Министерства обороны накачивал патриотической гордостью бойцов отряда спецназа, по инициативе директора металлургического комбината прививал трудовую дисциплину двум отбившимся от рук бригадам, заряжал здоровой спортивной злостью переругавшихся на сборах игроков московского «Спартака» перед отборочным этапом Лиги чемпионов...

Неважно, что я не служил и разбираюсь в футболе на уровне рядового выпивохи из пивбара. Чтобы погрузиться в тему, довольно и трех часов. Как я нередко говорю (без упоминания первоисточника, разумеется), знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов.

Пять лет назад я наконец отделался от кандидатской диссертации, соткав из лоскутов научный труд. Получение степени означало, помимо прочего, что у меня разгрузилось время для подлинной интеллектуальной деятельности. За одиннадцать месяцев я написал пособие «Быть в дискурсе. Советы продвинутого тренера», далекое от моих университетских научных изысканий так же, как панк-рок далек от революции. Благодаря Августу Анатольевичу, книга получила мощную рекламу и удостоилась средней величины премии за нон-фикшн года.

Основная мысль пособия заключается в том, что общество, объединенное территорией и языком, великим и могучим, неоднородно и негласно поделено на группы. Эти группы обладают своим набором ценностей, привычек, обрядов, запретов, жестов, ключевых слов, жаргонных выражений, собственным культурным бэкграундом. У этих групп свои представления о том, как проводить досуг и измерять уровень жизни. Совокупность таких отличительных особенностей и именуется дискурсом. Дискурсов неограниченное множество: материнский, мужицкий, школьный, деловой, пацанский, хипстерский, феминистический, православный, медийный, гламурный, либеральный, патриотический, армейский, зоозащитный, университетский, блатной... Чем больше нюансов из разных дискурсов удастся человеку усвоить, чем шире его коммуникативное поле, тем большим почетом он пользуется, тем больше дверей перед ним распахнуто.

К примеру, чтобы быть принятым в кругу мужиков, необязательно трудиться на заводе и изображать из себя бывалого жизненного бойца, который бьет морды за неосторожные взгляды и не обращается к врачам, пока от тела не начнут отваливаться куски. Чтобы заслужить уважение в мужицкой среде, надо овладеть небрежной интонацией, запасом ярких тостов, скабрёзных анекдотов и глубокомысленных замечаний («Баба не мужик», «Пропили всю страну», «А раньше было по-другому» и так далее). Еще нужно уметь не дергаться, что бы ни стряслось, и вскрывать тупым ножом консервную банку.

Скажете, заезжено, банально, схематично? А я отвечу, что в восемнадцатом веке меня бы наградили за просветительскую деятельность. Двигать в массы Фуко и Хабермаса – это не то же самое, что за счет харизмы и обаяния держать на привязи пустоглазых адептов и под видом все-ленской мудрости подсовывать им заурядные НЛП-техники. И не то же самое, что читать лекцию, информация из которой неприменима на практике. Я не из тех теоретиков, чьи умствования столь же масштабны, сколь и бесполезны за пределами университетского курса.

«Достоинство» держится на передовой в том числе из-за разработанной мною дискурсивной терапии, а моя персональная консультация, допустим, по материнскому дискурсу стоит двух полноценных сеансов у штатного психолога из респектабельной клиники.

У меня двухкомнатная квартира в Москве – собственная и без всяких условностей вроде ипотечных платежей. Сейчас достраивается высотка в Химках, куда переедут мои старики из Мордовии. Постараюсь подгадать заселение к их рубиновой свадьбе. Не то что бы мне присущи сентиментальная привязанность или сыновняя признательность; я звоню родителям раз в месяц и навещаю их раз в год. Покупка жилья в Подмосковье – это не более чем разумное вложение средств, потому что запросов, соразмерных моим доходам, у меня нет. Тренерством я занимаюсь не ради денег, а потому что умею.

Я живу работой и сплю по четыре часа в сутки, поэтому моя врожденная алибидемия – это скорее преимущество, чем проблема. Не представляю, как бы я восстанавливался, если бы тратил энергию на секс и на порно. Мне проще законспектировать унылую монографию, чем сводить девушку (или не девушку, какая разница) в ресторан. Я вообще оберегаю свою незаметную повседневность. В последнем я достиг успеха: мое настоящее имя не мелькает нигде, для всего мира существует лишь Максим Архетипов, статусный тренер с безупречной репутацией.

И теперь я по распоряжению Августа Анатольевича лечу на групповые занятия в популярный городок Нертенггову. Моя ассистентка схватила на днях простуду, так что за «Достоинство» зубр популярной психологии будет отдуваться в одиночку. В чемодане у меня термобелье, пуховик и бутылка того самого бурбона с оранжевой этикеткой, изъятого из продажи. Взял его для соответствия дискурсу, потому что в Нертенггове, судя по всему, мрачно и ветрено, как и положено промерзшему клочку суши на краю света.

III

Самолёт пошёл на снижение в Яля Ер, городе-спутнике Нертенгговы. Привычно заложило уши. Выпроставшаяся из дремы юная соседка в красном пальто, положив руку на ремень безопасности, напряжённо подалась вперёд. У меня в глазах щипало, и я вытащил пузырек с препаратом. Серпал Рыжов. Меня встретит Серпал Рыжов.

Пассажиры приветствовали приземление аплодисментами. Под объявление пилота люди с шуршанием отстёгивались от кресел, поднимались, набирали на телефоне родных и друзей. Я не торопился. Если мои скудные сведения о городе верны, за бортом меня ждет ветер, в прямом смысле сбивающий с ног.

Я откинул голову, чтобы закапать лекарство.

– Уберите ноги! – велела соседка, застегивая пуговицы.

– С удовольствием. – Я поджал ноги, пропуская девушку.

Её колено врезалось о моё. Хамство со столичным привкусом. Ставлю бутылку коньяка на то, что она ни разу не из Нертенгговы.

Порыв ветра застал меня на трапе. Если бы кто-нибудь позади натолкнулся на меня, я неминуемо покатился бы в темноту по крутым ступеням. Ветер рвал слова диспетчера по громкой связи.

Лишь забрав с ленты чемодан, я пришёл в себя. В поясице отозвалась давняя боль, в голове завертелись строчки из модной песни о расставании, фоном въевшуюся в жизнь миллионов независимо от их музыкальных пристрастий. Мимо меня прошествовала группа бородачей в тулупах, ватных штанах и валенках. Последний, самый низкий, тащил за спиной гигантский мешок, куда уместилась бы целая газовая плита со шлангом. Пора привыкать к суровым северным реалиям. Это я еще оленьих упряжек не видал.

Серпал Рыжов, психолог из местной клиники, который должен был меня встретить, не ответил на звонок. При повторном наборе я вновь услышал приглушенную медитативную мелодию, которую мой необязательный проводник установил вместо гудков. Я не рискнул звонить Августу Анатольевичу, потому что по московскому времени дело близилось к полуночи, и направился искать информационную стойку, чтобы вызвать такси.

Поиски продлились недолго. В глаза бросилась приветственная надпись «Добро пожаловать в Нертенггову!» на первом этаже аэропорта. Под надписью расположилось гигантское фото молодого рыжеволосого политика, со сложенными руками позирующего за столом. Перед политиканом, вперившим взор в гостей города, не лежало никаких документов, но он всего равно зажал между пальцев красный карандаш. Ниже портрета размещалась цитата:

«Нертенггова – город, стоящий на вечной мерзлоте, но не ставший холодным для любящих его горожан. Почувствуйте тепло наших сердец!»

Ц. Б. Каменский, мэр Нертенгговы

Недоумеая по поводу загадочного имени на Ц, я не сразу обнаружил информационную стойку под приветствием мэра. Дождавшись очереди, я заказал такси до гостиницы «Северное сияние». Мне обещали привести водителя через пять минут. Минуло десять, а я, будучи изможденным до предела вследствие бессонной ночи и перелета, так и не решился закатить скандал из-за дурного сервиса.

Телефон завибрировал. Я прочел сообщение.

«Ввиду обст-в не мог встретить. Жду в гост-це. С. Рыжов»

Товарищу Срыжову вставляю по первое число.

Ко мне приблизился низкорослый усатый мужик в потертых джинсах, кожаной куртке и кепке, из-под которой выбивались тронутые сединой кудри. Чернявый, с изогнутым носом черными бровями, с прямым рабоче-крестьянским взглядом – вылитый водитель. Наверное, Каюм какой-нибудь или Нурлан.

– Здравствуйте. Вы ведь Максим? – спросил без акцента водитель.

Я кивнул.

– Приношу глубочайшие извинения за то, что заставил ждать. Меня зовут Сергей.

Сердечный тон меня насторожил.

– Постараюсь загладить свою задержку скидкой. Поедьте, Максим. Давайте ваш чемодан.

По пути к машине Сергей участливо осведомился, как прошел полет, и предложил мне апельсиновую жвачку. Несмотря на мою неизменную сухость и формальные ответы, таксист расточал любезность сверх меры вплоть до выхода из аэропорта, где на нас напал ветер. В ночном воздухе металась снежная крупа.

– Мигом домчим! – подбодрил меня Сергей, заводя мотор новехонькой «Лады».

Свет в салоне многословный водитель не зажег. Дворники с усыпляющей ритмичностью заездили по стеклу.

– Музыка поставлю? – спросил Сергей.

– Которая про воров?

– Да вы что! Самую приличную.

Чтобы оценить представления нертенговских таксистов о приличиях, я согласился. Вероятно, советская эстрада или диско времен «Бони Эм» и «Модерн Токинг». Или что-нибудь из русского рока.

Вместо этого в темном, пропахшем клубничным ароматизатором салоне зазвучала сложная фольклорная мелодия. Живо представился гуслир в длиннополой рубахе, который на полянке, вдали от мирской суеты, в свое удовольствие пощипывает струны. Следом за пасторальным вступлением обрушился торжественный отрезок и заиграл вальс. На секунду я почувствовал себя в советском мультфильме, на всех порах движущемся к счастливой развязке с пиром на весь мир.

– Кто это? – не удержался я.

– Штраус, – сказал Сергей. – «Сказки венского леса».

Водитель объяснил, что мэр Каменский распорядился выдать каждому таксисту МПЗ-диски с классической музыкой для общего культурного развития среди народонаселения. Более того, также поощряется слушать (с позволения клиентов, разумеется) аудиокнижки. Так, Сергей уже справился с «Горем от ума», «Капитанской дочкой», и подборкой поэзии Фета.

– «Войну и мир» мечтаю начать, – признался таксист. – Ох, и громадная же книженция!

– Мы простых путей не ищем, – механически сказал я.

– Точно! – сказал Сергей. – Золотые слова.

Способный безмерным энтузиазмом прогнать сон у кого угодно, водитель безудержно расхваливал мэра. Каменский, если верить, поднял производство, настроил дорог, возвел крупнейший в России вытрезвитель и оснащенную передовым оборудованием больницу в четырнадцать этажей. Взятки искоренил. За борьбу с вредными привычками взялся. Завел в Нертенггове порядок, когда всякий, кто по ходу рабочего дня не отлучается на перекуры, получает льготы и прибавку десять процентов.

– Ему бы страной править, – сказал Сергей. – Наладил бы все. Табачных и алкогольных лоббистов к ногтю прижал бы.

Я сообразил, что здесь что-то не так. Сомнительно, чтобы нормальный русский мужик безостановочно пылал воодушевлением и выражался на языке телевизора, откуда, должно быть, каждый день получает вести об «общем культурном развитии» и «росте качества».

Нельзя просто так взять и перекодировать трудового человека, привив ему любовь к Штраусу и здоровому образу жизни. Иначе коммунисты давно бы одержали безоговорочную победу.

– Вы знаете запретные стихи Пушкина? – спросил я, чтобы прощупать почву.

– А что, такие есть?

Заметив заинтересованность в тоне таксиста, я зачитал ему серию эпиграмм на грани фола, выученных мной эрудиции ради еще в студенчестве. Поначалу настороженный, Сергей рассмеялся и резюмировал впечатления:

– Во дает сукин сын! Это ж надо так сказануть! Дева стала раком...

Затем я резко сменил тему и завел разговор об обнаглевших московских чиновниках, увеличивших стоимость парковки в центре и разворовавших средства для постройки мемориала бойцам, павшим в Сирии. В моем рассказе как бы невзначай проскальзывали нецензурные слова, свидетельствовавшие об охватившем меня гневе.

Мои ожидания оправдались наполовину. С одной стороны, Сергей заговорил раскрепощеннее, веселее. С другой, на власть он жаловаться не принялся. Вместо этого таксист только возвысил мэра, противопоставив ему олигарха Балчукова.

– Отборная гнида, – отрекомендовал олигарха Сергей. – Все заграбастать мечтает. У нас ведь как: в Нертенггову посуху не попадешь. Либо самолетом, либо по реке. Так проще грузы отслеживать – которые прибывают, которые убывают. Вот Балчуков и исхитрился оформить так, что с любого товара, сюда поступающего, комиссионный сбор ему в карман идет. Я уж не говорю, что ему два комбината принадлежат. Раньше там совсем на рабских условиях пахали, теперь хоть Каменский под контроль дело взял. Сам Каменский крепкий мужик, но и ему в одиночку с этим упырем не справиться.

– Козел ваш Балчуков, – поддакнул я.

– Его и похуже можно назвать, – сказал Сергей. – Эх, не нашлось героя, который его папашу гондонами бы обеспечил!

Я не захотел переубеждать таксиста, уверовавшего в драматическую постановку. Исполненный благородства политик борется против хищника капитала, притом что оба плывут в одной лодке? Да это же уровень выпускной работы средненького политтехнолога.

Меж тем мы приближались к окраине города. На промерзшем пустыре без видимой систематичности торчали редкие высотки, ночью смотревшиеся особенно зловеще из-за отсутствия в окнах и намека на огонек.

– Что за здания? – поинтересовался я.

– Заброшки, – сказал Сергей. – Там по фасадам трещины пошли, вот-вот рухнут. Нертенггову ведь заключенные лагерные строить начали. На совесть трудились. А затем уже к стройке подключились комсомольцы. Модно тогда было бросить все и рвануть на север. Думаешь, от большой романтики и любви к стране? Да ни в жисть. Для молодежи что главное? Стакан водки опрокинуть, девку за сиську ущипнуть. За этим сюда и ехали. Понятное дело, после такого досуга и дома возводили абы как. Оттого и фасады трескаются теперь. Комсомольцы, ***.

Расчувствовавшийся таксист спросил разрешения закурить. Я не отказал. Сергей, не просмолив сигарету и до середины, залился кашлем и засунул потушенный окурок обратно в пачку.

– Вы только в компанию не сообщайте, а то меня оштрафуют, – сказал водитель.

– Не буду.

– Прав, конечно, Каменский. Дрянь редкостная. Одышка замучила, изжога. Аллена Карра надо почитать. Говорят, мощно задвигает.

Высаживая меня у гостиницы «Северное сияние», Сергей предоставил обещанную скидку и тепло попрощался со мной, напоследок снова извинившись за задержку в аэропорту.

Прямо у входа в «Северное сияние» возвышался уличный щит, вместо рекламы привлекавший внимание выведенной черной по белому цитатой:

«Все действительное разумно».
Георг Вильгельм Фридрих Гегель,
немецкий философ

IV

Серпал Рыжов смахивал скорее на полевого санитаря, чем на кабинетного психолога. Коренастый, с основательными плечами и великанским ростом, в транспорте он, несомненно, всякий раз занимал два места. Ранняя платиновая седина скорее придавала мужественному облику Рыжову выразительности, нежели старила. В бесстрастно-вежливой манере он выразил сожаление, что не встретил меня в аэропорту, и настоял на том, чтобы вернуть мне плату за такси.

– Еще одна тонкость, – сказал Рыжов. – До полудня вас, Максим Алексеевич, поселят в номере без удобств. Так получилось, что ваш приезд совпал с международным кинофестивалем, и номерной фонд ограничен. К счастью, утром ряд гостей выезжает и вас переведут в люкс, как и подобает вашему статусу.

Как заверили меня психолог и сотрудница на ресепшне, на этаже рядом с моей комнатой есть уборная и душевая.

Отведя меня в номер, Рыжов обещал явиться к десяти утра и напоследок предупредил, что мое расписание откорректировано.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Существенных изменений нет, завтра все начнется в Первой гимназии, как и планировалось. Сперва мастер-класс для педагогов, затем тренинг со школьниками.

– У вас нет распечатанной программки?

– Нет.

– Принесите утром, – велел я. – Тяжело два дня ориентироваться в чужом городе, не зная своего расписания.

Я едва сохранял дружелюбный тон, будучи раздраженным вульгарным непрофессионализмом. Меня против моей воли увлекают в квест «Выберись из аэропорта», заселяют в номер без туалета, объявляют о корректировках в программе. И все это в непрошибаемо невозмутимом стиле, будто так и положено. Будто я какой-то там пьяный водопроводчик, опоздавший на вызов и теперь зычным басом взыскующий уважения. Что за «к счастью, утром ряд гостей выезжает»? Причем здесь счастье?

Я снял пуховик, пинком отшвырнул в сторону сапоги, в которых пробыл более четырнадцати часов, и повалился на полосатый матрас, предварительно отодвинув стопку с постельным бельем. Контуры комнаты растеклись перед взором, что-то синее и что-то белое слилось воедино в невыносимо тусклый фон. Потребовались усилия, чтобы закапать в глаза лекарство и не отрубиться.

На обоях белые медведи дрейфовали на льдине посреди бескрайнего океана. Квадратные настенные часы показывали половину шестого утра. Голубая люстра, похожая на колокол, светила скупо. Закрепленный кнопкой на двери календарь застыл на августе с изображением коптящих заводских труб. Я автоматически перевернул две страницы до октября, также отмеченного индустриальным пейзажем. Календарь шлепнулся на пол. Попытка водворить календарь на место привела к тому, что он вновь сорвался.

Я заставил себя выпить пузырек йогурта, хоть и не чувствовал голода. Убедившись, что уборная и душевая располагаются в коридоре рядом, я почистил зубы и направился в душевую, чтобы стряхнуть с себя впечатления, накопившиеся за сутки. На стенном кафеле жуткого купоросного цвета засохла пена, по поддону расплзлись длинные черные волосы. Смыв это уродство, я брезгливо забрался в кабинку и захлопнул створки. Из-за отсутствия полки для мыла шампунь пришлось поставить под ноги.

Вода пахла то ли серой, то ли хлором. Вдобавок колебался напор, из-за чего меня то обдавало кипятком, то струей холода. Северное гостеприимство во всей красе.

Стараясь дышать ртом, я наспех намылил голову. В этот момент в дверь требовательно постучали. Я сжался. Стук повторился, и через мгновение мне выключили свет. Инстинктивно закрыв оба крана, я прислушался к звукам снаружи. Никаких шагов и голосов. Беззвучно ругаясь, я аккуратно, чтобы не поскользнуться на шампуне, вылез из кабинки, на ощупь вытерся и оделся, по-прежнему напрасно ловя каждый звук.

За дверью простирался пустой коридор. Полированный бетонный пол, бледно-желтые стены, гладкие и чистые, упирившиеся в лестничный пролет. Казалась нелепой идея, что кому-то взбредет в голову перед рассветом, точно в детском лагере, устраивать розыгрыши в этом пустынном, бездушном, абсолютно правильном геометрическом пространстве.

Захватив в номере телефон, я сфотографировал коридор и душевую. Интернет, к сожалению, не ловил нигде по этажу, поэтому снимки и не отправились сразу в сеть. Это случится вскоре, и тогда мои подписчики проведуют о нравах, царящих в «Северном сиянии». Конечно, лучше это произойдет, когда вернусь в Москву, потому что пока я здесь один и сложно представить, до каких пор простирается злопамятность Нертенгговы.

V

Длинный женский волос прилип к ноге. Я направил на него мощную струю, но волос не смывался. Внезапно меня ошпарило кипятком, и я выронил душ. Теперь горячие струйки гейзером выбрасывались снизу. Заело кран, и ко всему прочему я наступил на шампунь, который растекся ядовито-изумрудной массой.

В дверь забарабанили. Следом погас свет, а створки душевой кабинки, как назло, заело. Я напрасно скользил мыльными пальцами в поисках спасительного выхода из этой проклятой ракушки. Снаружи уже не барабанили – ломились, подкрепляя злые намерения твердыми голосами.

– Максим Алексеевич! Максим Алексеевич!

Меня выплеснуло из сна, как из-под толщи воды. Я взметнулся кверху, заложенная посередине книга американского рокера сорвалась с живота на пол. Рыжов стучал в дверь и звал меня по имени.

– Секунду! – крикнул я. – Поднимаюсь!

– С вами все в порядке?

– В полном! Секундная задержка!

В казарменном ритме были надеты брюки и рубашка. 10:08. Вот чудеса: почти четыре часа проспал, будильник пропустил.

– Секунду!

Помнится, семинар в Нижнем также задержали из-за моего опоздания. Задремал перед завтраком. Организм банально не справляется с нагрузками, сигнальные системы барахлят.

Рыжов не смутился, заведя меня на пороге с полотенцем и торжественно поднятой зубной щеткой.

– Доброе утро, Максим Алексеевич. Проспали?

– Не адаптировался к часовому поясу. Через пять минут буду готов.

– Жду. Не забудьте носки.

Я машинально опустил взгляд на голые стопы, воткнутые в тапочки.

– Все под контролем, – заверил я, не придумав остроумного ответа.

На гостиничной парковке нас дождался белый «Ниссан» Рыжова. Под макияжем из дорожной пыли и копоты на боках скромная старенькая иномарка казалась еще невзрачнее. Когда психолог усаживался на водительское кресло, с трудом размещая в комфортном положении свои массивные ноги, я снова подивился габаритам моего проводника. Наверное, он и ест за троих.

– Успеваем к мастер-классу? – спросил я.

– Вполне.

Я выдерживал естественный тон, дабы Рыжов не решил, будто я раскаиваюсь в том, что проспал. Их просчет. Чего они хотели, поместив меня в стрессовую ситуацию? Когда в Волгограде я ночевал в номере, где останавливалась Полина Гагарина, никто будильник не пропускал.

Строения проплывали за окном в туманной дымке. Скроенные по одинаковым лекалам пятиэтажки предпочитали компанию друг друга. Чахлые обособленные восьми— и десятиэтажки то жались к трассе, то, словно аккуратно отодвинутые в сторону, возвышались в отдалении, как правители удельных княжеств. Попадались и необитаемые дома – с выбитыми стеклами и трещинами, змейками, крадущимися по фасаду. Редкие фирменные магазинчики сотовой связи воспринимались как диверсанты из иной системы координат. Едва не упирался в перекресток нелепый открытый каток без залитого льда и без хоккейных ворот. За кат-

ком торчал рекламный щит с философским изречением вроде того, что встретил меня вчера у гостиницы.

«Жизнь прекрасна, жизнь – величественное, неукротимое движение ко всеобщему счастью и радости».

Максим Горький, русский писатель

Из цветов в пейзаже с подавляющим превосходством преобладал серый. Повсюду зияли пустыри. Некоторые из них осваивались, причём в необъяснимой спешке. Сгружалась холмиками щебенка; никак не обозначенные и ничем не огороженные, возводились новые здания. Вбивались сваи. Посреди бытовок и строительной техники работяги в потёртой униформе и ослепительно оранжевых касках возили на тачках кирпич и таскали мешки.

– Старый город, – прокомментировал Рыжов. – Отсюда все начиналось. Там, дальше, заводы и комбинаты. Ветер сегодня с их стороны дует, поэтому из-за смога их сейчас не видно.

– Думал, это туман, – сказал я.

– Нет. На самом деле раньше тяжелее было. Чуть ли не в противогазах ходили. Горожане на запах газа определяли. Отличали хлор от фтора, сернистый газ от аммиака.

– А теперь?

– Каменский за дело взялся. Увеличил штрафы за загрязнение окружающей среды, организовал независимый комитет по экологическому надзору, распорядился оборудовать модернизировать. Сказал, что стране нужны никель и платина, однако и людьми пренебрегать нельзя.

Как и в момент разговора с Сергеем, меня захватило ощущение нелепости происходящего. Что это за место такое, где жители в единомудном порыве, как мантры, повторяют популистские лозунги? Впору составлять сборник афоризмов от мэра наподобие «Цитатника Мао Цзэдуна» и раздавать на улицах вместо листовок.

– Как зовут Каменского? – спросил я, вспоминая вчерашнее замешательство относительно загадочных инициалов «Ц. Б.»

– Цветмет Борисович.

– Как, простите?

– Цветмет Борисович. В Нертенгове сложилась традиция менять имена. Цветмет – это Цветная металлургия. А я Серпал – Сера и палладий.

– Да уж, – не нашелся я.

– Не считайте нас ненормальными, – сказал Рыжов. – Новой эпохе требуются новые веяния. Новому содержанию – новая форма. Кроме того, смена имени – дело сугубо личное и добровольное. Никого из сохранивших родное имя не осуждают.

Я смолчал, несмотря на то что хотел возразить, будто Цветмет и Серпал – это не что иное, как возвращение во времена Владленов и Зарем.

– Завтра у нас по плану экскурсия по Нертенгове, – продолжал психолог. – Вы восхититесь, когда увидите, какие грандиозные проекты затеваются у нас.

– Кстати, о планах, – вспомнил я. – Вчера мы договаривались, что вы распечатаете программу с корректировками.

– Она ждет вас в гимназии.

Видимо, старую часть города мы миновали, потому что пейзаж за окном оживился. Усилилось движение на дороге. В глаза бросалось обилие рекламы. Горожан торопили с приобретением машин и квартир, модных парней завлекали не менее модной одеждой, вездесущие «Кока-Кола» и «Пепси» даже в Заполярье сражались за сердца потребителей. Этот дискурс мне привычнее.

Другими стали и здания. Повсеместно и беспорядочно выкрашенные в красный, синий, жёлтый, зелёный, голубой и розовый, с различными пестрыми полосами и фигурами, изображенными на фасадах, они складывались в психоделическую мозаику. Отдельные разноцвет-

ные сооружения я встречал и в Москве, и в других городах. В Нертенггове же метод пустили в тираж. Такое чувство, что инициативный мэр на очередном совещании призвал покончить с серостью, а его слова восприняли буквально и похоронили серость под густым слоем краски.

VI

В гимназии нас ждали. Школьников предусмотрительно разогнали по классам, и в пустующем фойе меня приветствовал директор со свитой. Я жал каждому руку, чередуя фразы «Рад знакомству» и «Очень приятно». Имена представлявшихся вылетали из памяти, как гильзы.

К Рыжову подскочили две девушки и, перебивая друг друга, начали что-то ему втолковывать. Впрочем, вторую, шкафоподобную матрону в безвкусной короткой юбке и красной кофте, с натяжкой можно было записать в девушки. Ее пухлые икры и бедра с трудом умещались в обтягивающие капроны, так что со стороны складывалось впечатление, будто колготки не лопаются лишь благодаря чуду.

– Все в порядке? – уточнил я у Рыжова.

– Да.

– Моя программа распечатана?

– Еще нет, но Антонина в ближайшее время ее вам вручит.

Седовласый психолог кивнул в сторону девушки, которая минуту назад ему что-то объясняла. Судя по раскосым глазам, Антонина представляла один из коренных народов Севера. Для себя я решил, что она якутка. Миниатюрная и бойкая, в неброском черном деловом костюме Антонина напоминала японку. Если нарядить ее в школьную форму и поколдовать над макияжем, то на гик-ярмарке она будет иметь успех.

– Может, завтрак? – предложил Рыжов.

– Хотел бы молока, если есть.

– Попробуете оленье?

– Никогда не пил.

– Полезнейший и вкуснейший продукт, – заверил Рыжов. – Антонина, принеси нам оленьего молока. В актовом зале.

Я не возразил, хотя и предпочел бы увидеть якутку с моей программой, а не принимать от нее стакан молока, точно от няньки. Еще бы печенья ей велел захватить на тарелочке.

– Серпал Давидович, а если с телефона? – обратилась к Рыжову матрона в красной кофте.

– Повторяю, видеосъемка недопустима, – сказал психолог.

– Записывающие устройства запрещены, – подтвердил я.

– А я могу рассчитывать на интервью с вами, Максим Алексеевич? – не без кокетства поинтересовалась матрона.

«Только на интервью и можешь рассчитывать», – едва не огрызнулся я, а вслух произнес:

– Пресса?

– Телеканал «Северный». Двадцать три года в эфире. Так как насчет интервью?

В актовом зале посреди сцены выставили парту с микрофоном. Директор на правах патриарха отвел меня в сторонку, чтобы растолковать диспозицию. Бэйдж на директорском пиджаке вторично известил меня, что собеседника зовут Добруд Егорович Суглобов. Логично предположить, что Добруд – это Добыча руды. Или Добро и труд.

По словам Суглобова, мэр Каменский из-за важного совещания не посетит мой мастер-класс, зато передает горячий заполярный привет столичному гостю и дарит приглашительный билет на премьеру в театр.

Суглобов предупредил, что первые два ряда в актовом зале займут педагоги и завучи из его гимназии. Также на тренинг избирательно допущена пресса и администрация других школ Нертенгговы.

Я кивал, мысленно готовясь к выходу на сцену. Мне не впервой распинаться перед учителями, пусть мне и до сих пор не до конца понятно, откуда завелась мода приглашать в элит-

ные лица и гимназии тренера, не проработавшего в школе и минуты. Ну, и тему для мастер-класса мне заказали отменную, конечно. «Коллективная сплоченность».

Зачесались и защипали глаза. Заветный пузырек с лекарством из-за спешки был забыт в гостинице.

Вскоре Добруд Егорович забрался на сцену, зарядил приветственную речь и пригласил меня. Я не присел за стол, а принялся в привычной манере ходить вдоль сцены с микрофоном. Добротный тренинг – это нечто среднее между стендап-выступлением и аутогенной тренировкой, искусство ради искусства. Будет вам коллективная сплоченность.

– Любой тренинг – это бессмыслица, – начал я с любимой фразы. – Бесполезная и безрассудная бессмыслица.

Отметив на лицах законное недоумение и заинтересованность, я без передышки продолжил:

– Одни тренеры соблазняют вас красивыми словами. Духовный рост. Революционный метод. Достижение счастья. Прогрессивное мышление. Вас очаровывают эти выражения, мир вокруг расцветается, однако через два-три дня снова блекнет. Вы напоминаете себе сдутый шарик, потому что те яркие перспективы, на которые вам намекнули, не имеют ничего общего с вашей жизнью.

Добруд Егорович, сидящий на первом ряду, скрестил на груди руки.

– Другие тренеры не только напускают тумана, но и методично рубят капусту. Объявляют, что обучение состоит из трех уровней, каждый уровень включает по четыре ступени, которые обязательно нужно преодолеть, потому что в противном случае вы не усвоите курс, не примените полученные навыки... Такие тренеры месяцами водят вас за нос, всякий раз убеждая, что на следующей ступени вы приобретете еще больше эксклюзивной информации. В итоге вы набираете кредитов и займов, чтобы подняться до заключительного уровня и обнаружить, что вы по уши в долгах, а так называемый революционный метод не принес вам ни счастья, ни свободы. Напротив, опытные манипуляторы подавили вашу волю и довели до нервного истощения. Известны даже случаи, когда обратившиеся к таким тренерам попадали в психиатрические лечебницы или кончали с собой.

Учителя зашептались. Чтобы вновь целиком завладеть их вниманием, я повысил голос и замедлил темп:

– Итак, тренинги в массе своей бессмысленны, а иногда и вредны. Но и из них можно извлечь пользу. Их краткосрочный эффект заряжает вас импульсом к переменам. Кроме того, тренинги помогают постичь себя. И лучше узнать других. Их интересы, их способности и незаметные достоинства. Не бойтесь узнать друг друга. Это сблизит вас и сплотит.

Этот трюк – нечто вроде сигнальной установки. Сближайтесь и сплывайтесь, господа, ведь меня вытащили в такую даль ровно за этим.

– Важно кое-что прояснить. Я, Максим Архетипов, ответственно заявляю, что не буду злоупотреблять вашим доверием и подрывать вашу волю.

Педагоги заулыбались.

– В общем, я не из тех криминальных тренеров, которые обирают до нитки и упиваются властью. Мне нравится сам процесс работы с новыми людьми, и я умею получать удовольствие, никого не травмируя.

Оленье молоко, выпитое перед выходом на сцену, тяжело перекатывалось в животе. Боль в глазах вынуждала постоянно моргать. Пора, видимо, решаться на очки, то есть выкраивать время для окулиста, вносить поправки в имидж, привыкать...

Никто из аудитории не заметил моего секундного выпадения. Покончив со вступлением и выдохнув, я приступил собственно к тренингу.

– Пожалуйста, пусть кивнут те, кто любит кататься на лыжах! Да-да, не стесняйтесь. Отлично. Теперь кивнут те, кто любит кататься на велосипеде. Здорово! Тоже киваю, смотрите.

А сейчас все, у кого есть домашние животные, опустят голову. Славно! Славно, когда дома нас ждут верные друзья. Можете поднимать голову. Теперь пусть почешет за правым ухом каждый, кто летал на самолете. За левым, кто умеет плавать. Поразительное единодушие! Сейчас пусть положат руки на колени те, кто умеет лепить пельмени. Ого, вот что значит северная натура! А кто умеет печь торты? Отлично-отлично! Видите, все мы разные и вместе с тем между нами много общего...

Проведя в таком духе серию пустяковых упражнений, я обучил педагогов нехитрой технике тонизирующего дыхания, позаимствованной с сайта по йоге. Учителя старательно сопели. Особенно усердствовал староватый долговязый тип в поношенном вельветовом костюме.

Настал черед групповых заданий.

– Пришла пора определить, какая вы крепкая команда. Задача проста. Я озвучиваю число. Такое же количество участников команды должно встать. В следующий раз называю другое число. Затем третье. Ясно? Тогда поехали, проверим ваше коллективное взаимодействие. Число три!

Учителя в замешательстве переглянулись. Первым опомнившийся Добруд Егорович что-то резко шепнул соседям по ряду, и трое педагогов вскочили, как ошпаренные.

– Медленно! Попытка номер два. Встают пять человек!

Заминка оказалась короче.

– Четыре!

– Шесть! Почувствуйте твердое плечо партнера.

– Уже лучше. А теперь пусть поднимутся семь человек, которые еще не вставали!

– Неплохо! Четыре!

– Одиннадцать!

– Вот это синхронность! Вижу перед собой настоящий отряд. Похлопаем друг другу, мы это заслужили. Вот так. А сейчас вообразим себя индийскими факирами и снова подышим.

Я познакомил «отряд» с техникой расслабляющего дыхания с того самого сайта и разбил педагогов на три команды. Каждой команде полагалось создать проект островного государства: расписать его политическую и экономическую систему, придумать традиции и обычаи, нарисовать типичную семью этого государства, обозначить причины туда поехать.

Собравшиеся группками учителя зашушукались. Снова выделялся долговязый тип. Не удивлюсь, если его диковатые, чересчур оживленные глаза пробуждали в соратниках желание впрыснуть ему успокоительное или надавать по вытянутой физиологии. Несмотря на то что долговязого сторонились, он лез с советами и норовил вмешаться даже в обсуждения остальных команд.

Случайно я натолкнулся на хищный взгляд репортерши телеканала «Северный», настаивавшей на интервью. Как же туго приходится несчастному мужу этой самки, если он у нее, конечно, есть. Я не шовинист, но некоторым дамам и правда лучше жить с котиками.

Напоследок я поведал о нескольких конкурсах, которые скрасят настроение на служебных корпоративах. Понятия не имею, почему за такой тренинг готовы платить, однако я исполню свою партию честно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.